

К.В. Белый

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1259 ГОДА В НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце августа или начале сентября 1259 г. (более точную дату источники не приводят) в Сосандрийском монастыре разыгралась кровавая драма, приведшая к смене власти в Никейской империи. Это был очередной государственный переворот в истории Византии, вызванный борьбой придворных группировок за влияние на трон и управление страной. Жертвами этих событий стало лишь 3 человека: царствующий император не пострадал и никакой социальной конфронтации, кроме разграбления имущества убитых, они не вызвали. Тем не менее, как отмечают византийские хронисты и современные историки, изучавшие эпоху Ласкарисов и Палеологов, драма в Сосандрийском монастыре оказала непосредственное влияние на дальнейшую судьбу Византийской империи, в некоторой степени даже предопределив ее исход¹.

По этой причине в трудах отечественных и зарубежных византистов, посвященных политической истории Никейской империи, государственный переворот 1259 года непременно упоминается и анализируется. Ф.И. Успенский², К. Шампан³, Ш. Диль⁴, А.А. Васильев⁵ и другие ученые отмечали, что главным его следствием стал приход к власти семейства Палеологов, правивших Византией последующие два столетия. Известно, что новая династия, начиная с ее основателя – Михаила Палеолога – изменила курс внутренней и внешней политики, проводившейся Ласкарисами, имела отличные от них внешнеполитические интересы, социальную базу власти, принципы экономической, фискальной и, наконец, церковной политики. И одна из главных причин столь резкого и долговременного изменения курса государственной политики, по мнению вышеназванных специалистов, кроется в способе прихода к власти первого Палеолога, который непосредственно связан с изучаемыми в настоящей статье событиями.

Поэтому, вызывает удивление тот факт, что в византистике имеется немало количество исследований, затрагивающих проблему переворота 1259 г., однако, нет ни одной работы, отдельно ему посвященной. Тем более что три дошедших до нас византийских источника, так или иначе описывающих ход событий тех дней, предоставляют исследователю достаточно большой объем информации. Это – сочинения двух современников сосандрийского мятежа – Георгия Акрополита и Георгия Пахимера, а также писателя XIV в. Никифора Григоры, пользовавшегося, однако, первоисточниками и свидетельствами очевидцев⁶.

На этом основании мы считаем возможным и оправданным посвятить этой проблеме настоящую статью, в которой особое внимание будет уделено анализу причин государственного переворота, что, как правило, освещается историками недостаточно,

¹ Подробнее об этом (См.: *Васильев А.А.* История Византийской империи. [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_ve/vaa232.html).

² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI – XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.

³ *Шампан С.* *Michael Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin (1262-1282).* Paris, 1926.

⁴ *Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948.

⁵ *Васильев А.А.* История Византийской империи.

⁶ *Никифор Григора.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Том I / под ред. П. Шалфеева. СПб., 1862. С. 4-8.

анализу его прямых и косвенных участников и, конечно, последствий в исторической перспективе.

Предыстория событий такова. В конце августа («под осень», как передает Пахимер) от долгой и тяжелой болезни скончался Феодор II Ласкарис, процарствовав на никейском троне всего 4 года⁷. Наследником престола был его единственный сын Иоанн, которому только исполнилось 6 лет. Поэтому еще перед смертью император назначил царевичу двух опекунов. Ими стали ближайшие сподвижники Феодора II – его друг протовестиарий Георгий Музалон, ставший регентом, и патриарх Арсений Авториан, которым, по приказу умирающего василевса, придворные принесли торжественные клятвы в верности⁸.

Когда император умер и его тело перенесли в Сосандрийскую обитель, были повсеместно разсланы послания, передававшие последнюю волю державного – назначить регентом Георгия Музалона, которому оставалось жить на тот момент 9 дней. Остановлюсь подробнее на описании специфики его карьеры и положения в высших кругах империи, чтобы понять всю сложность сложившейся ситуации.

Мальчик незнатного происхождения в детстве был взят из бедной семьи во дворец и рос вместе царевичем Феодором. Будучи умным и проницательным человеком, Георгий *«так скоро приноровился к характеру и нраву молодого царя, что быстро стал для него всем. Феодор говорил и делал все по мысли и желанию Георгия»*, – пишет Григора⁹. И неудивительно, что с воцарением Феодора II в 1254 г. он незамедлительно был возведен в должность протовестиария, оставаясь ближайшим сподвижником царя вплоть до самой его кончины. Получили должности и другие Музалоны, в частности, его брат Алексей.

Новый фаворит никейского двора Георгий Музалон был не только, по выражению Пахимера, *«правой рукой державного»*, но и активно участвовал в государственной политике¹⁰. Курс, взятый и успешно реализованный Иоанном III Ватаци, Феодор II продолжал: он проводил успешную реконквисту в Греции, Латинской империи, следовал протекционистской политике отца, приведшей, по словам хронистов, Никейское царство в цветущее состояние¹¹. Но были, впрочем, и другие стороны политики Феодора II. Именно в них и кроется одна из причин заговора.

Как известно, династия Ласкарисов традиционно ориентировалась на усиление роли государства в экономике, поддержку стратиотской системы и мелких крестьян-общинников¹². Напротив, с феодальной знатью: крупными землевладельцами и прониарами, значительно усилившимися при Ангелах, и у Феодора I, и у Иоанна III, и у Феодора II были прохладные отношения. В источниках не зафиксировано ни одного случая крупного дарения земли (кроме пожалований земель монастырям и некоторым придворным), зато упомянуты ее конфискации. Не практиковалось также предоставление каких-либо феодальных привилегий. Более того, Ласкарисы не всегда соблюдали неписанные законы никейской аристократии: нередко не обращали внимания на знатность, выдавая знатных невест за незнатных женихов, предоставляя кому-либо «из простых» высшие должности, чины при дворе, как, например, в случае с Музалонами¹³.

Но если Феодор I и Иоанн III редко прибегали к открытым преследованиям знати, то с кратким правлением Феодора II связана целая серия репрессий. По мнению, Георгия Пахимера, не личные качества императора, а тяжелая болезнь послужила поводом для подобных действий. *«Едва схватывала царя болезнь,-* отмечает Пахимер, *- страдалец*

⁷ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 1862.

⁸ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / Под ред. И.Е. Троицкого. СПб., 1863. С. 177.

⁹ Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. С. 59-60.

¹⁰ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 141.

¹¹ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах.

¹² Успенский Ф.И. История Византийской империи XI – XV вв.

¹³ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 26-28.

начинал испытывать как бы влияние демонских чар»¹⁴. У него резко усиливалась подозрительность, и любой человек, обвинявшийся в причастности к колдовству, незамедлительно арестовывался и подвергался казни. Тот же Пахимер, впрочем, отмечает и многочисленные случаи ложных доносов, которые, тем не менее, приводили к арестам и наказанию¹⁵.

Подозрения в чародействе не были единственным поводом для репрессий. Акрополит и Пахимер в своих сочинениях упоминают лиц, попавших в опалу и подвергнутых наказанию по иным причинам. Это либо несогласие с царем в ходе обсуждения определенных вопросов, либо какая-то форма неприятия его решений. На этой почве ослеплению или разжалованию были подвергнуты представители многих знатных семейств: Георгий Загаромматис, Федор Филес, Алексей Стратигопул со своим сыном, ослепленным за спор с царем, Никифор Алиатта, которому за то же был отрезан язык и т.д.¹⁶ Не оценивая политическую целесообразность названных мер, можно с уверенностью сказать, что этим император значительно ухудшил отношения с высшими слоями никейского общества. А вместе с ним, конечно, и Георгий Музалон.

Поэтому понятным становится описание Пахимером атмосферы, воцарившейся в придворных кругах после кончины Феодора II. *«Между тем вельможи, - пишет он, - втайне строили замыслы, а притворялись верными слугами царя-отрока, питая такое чувство негодования то против попечителя и дитяти, то против приставленных к нему лиц, от которых прежде тоже терпели ...»*. При этом, продолжает Пахимер, их ненависть должна *«быть умиротворена местью людям, несправедливо, по их мнению, получившим такие почести ...»*¹⁷.

Очень точно, на наш взгляд, настроение представителей никейской аристократии выразил Георгий Акрополит – будущий сподвижник Михаила Палеолога, человек, занимавший при дворе высокую должность великого логофета, типичный представитель никейской знати. Описывая кончину Феодора II, он заметил, что державный *«оставил завещание как будто на сына, а на самом деле на протовестиария Георгия Музалона, потому что завещание его делало правителем всех римских дел ...»*¹⁸. Его, незнатного человека, любимца почившего государя, к которому значительная часть знати питала недобрые чувства. Таким образом, мотивы и поводы для агрессии по отношению к регенту у немалого количества представителей аристократии возникли уже давно.

Трудно сказать, когда впервые возник план заговора против Музалонов. Однако, судя по последовавшим событиям, на которых необходимо остановиться более подробно, это случилось уже в первые дни после смерти Феодора II. Как передают византийские хронисты, Георгий Музалон, будучи опытным царедворцем, прекрасно понимал всю шаткость своего положения. Он не мог не знать о настроениях в аристократических кругах и, *«видя, что зависть в империи сильна и ползет многими путями, что на многих падает подозрение в домогательстве царской власти ...»* регент решается на неожиданный шаг¹⁹. На третий день после кончины императора Музалон собирает сенат из представителей всех знатных родов, военачальников, высоких чиновников и влиятельных лиц. Для еще большей легитимности собрания регент приглашает братьев первого никейского императора Феодора I.

Первым перед сенатом выступил сам Георгий Музалон. В длинной речи, которую передает Пахимер, регент упомянул о смерти державного, о несправедливостях, обрушившихся на ряд знатных лиц по вине тяжелой болезни императора, и о своей роли в этих инцидентах. Затем Георгий Музалон идет на неожиданный шаг – отказывается от

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 180.

¹⁷ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 46-47.

¹⁸ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 179.

¹⁹ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 33-35.

регента, считая себя недостойным такой ответственной должности, и предлагает собранию свободным голосованием выбрать нового опекуна царю. *«Если, следуя своим соображениям, – добавил Музалон, – вы захотите, чтобы я оставался при своем деле, соглашусь; а когда не захотите, распрощаюсь со всем и не пущусь в изыскание причин моего увольнения, хотя бы следствия его были для меня вредны»*²⁰.

После речи регента в зале, согласно Пахимеру, раздались «смешанные голоса»²¹. Однако, в основном, они были направлены в поддержку Музалона. Вскоре слово взял один из родственников Георгия Музалона – Михаил Палеолог, который в не менее длинной речи, с прибавлением всяких похвал, призвал своего племянника не принимать такое решение и остаться регентом. *«Ведь ты и по достоинствам выше других, – сказал Палеолог, – и по уму, в котором нет недостатка, над всеми первенствуешь. Итак, властвуй, – пейсь и о царе, пейсь и о делах Римской империи. Мы с удовольствием последуем за тобою»*²². Собравшиеся единогласно поддержали это решение. По свидетельству Григоры, Музалон еще долго отказывался от принятия должности, но был вынужден согласиться в результате единогласного решения собравшихся. Кстати, в своем сочинении Георгий Акрополит сознательно избегает упоминания о собрании и его решении. Причину этого поясню ниже.

Трудно предположить, развеялись ли сомнения у Георгия Музалона в лояльности к нему знати после роспуска сената, стал ли он чувствовать себя в большей безопасности, однако, по крайней мере, все последующие 6 дней, по сведениям хронистов, переизбранный регент не проявлял никаких активных действий против оппозиции. Он занимался государственными делами, казной, охраной царевича, благотворительностью, но никак не предотвращением возможных антиправительственных акций²³.

Наконец, настал 9 день по смерти Феодора II и, по традиции, все высшие должностные лица, сановники, воины и простые жители собрались в вифинском Сосандрийском монастыре, чтобы почтить память усопшего. Прибыли туда и Музалоны. Подробное описание всего, что произошло далее, имеется у Григоры²⁴, Акрополита²⁵, а также более обширное – у Пахимера²⁶. При этом, в трех версиях данного эпизода мало противоречий и, следовательно, останавливаться на нем мы не видим необходимости. Опишем лишь кратко суть произошедшего.

Семейство Музалонов, клир и ближайшие сподвижники регента находились в монастырском храме, совершая заупокойное богослужение. В это время возле монастыря, в отряде итальянских и других иностранных наемников, вдруг начались волнения и прозвучали грозные требования показать народу царя. Вскоре воины смешались с толпой, стоявшей неподалеку, и начались беспорядки. Чтобы уговорить толпу, Георгий Музалон вывел царевича на балкон и предъявил народу, показывая, что тот в полной безопасности. Однако появление царя подействовало на толпу как сигнал, и она тут же ринулась в монастырь по обходной дороге. В храме продолжалась служба и братья Музалоны, вопреки советам монахов затворить ворота, оставались спокойны и думали, что солдаты спешат в обитель, дабы принять участие в богослужении.

Далее версии Пахимера²⁷ с одной стороны и Акрополита²⁸ с другой частично расходятся. Первый утверждает, что разъяренная толпа ворвалась в обитель. Чтобы узнать, что происходит вне храма, Георгий Музалон посылает своего секретаря Феофилакта, которого

²⁰ Там же. С. 34-40.

²¹ Там же. С. 41.

²² Там же. С. 44.

²³ Там же.

²⁴ Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами.

²⁵ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 180-183.

²⁶ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 48-54.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 182.

солдаты приняли за самого регента и мгновенно разрубили на части. А затем, ворвавшись в храм и алтарь, сделали то же самое с Музалонами.

По версии Акрополита, регент, почуввав неладное, попытался сбежать на коне, однако, наемники хитростью остановили его, прося Музалона принять новую присягу в верности. И тогда сотворили то же, что описал Пахимер.

Версия Пахимера выглядит предпочтительнее по многим критериям. Более того, он сам упоминает, что сведения о произошедшем получил от очевидцев этой драмы. К тому же, убитый секретарь Музалона был его родственником, близкие которого присутствовали в храме²⁹. Георгий Акрополит вполне мог быть очевидцем убийства и, беря во внимание эту деталь и последующую карьеру великого логофета, к сведениям, содержащимся в его летописи, стоит относиться весьма осторожно.

Хотя тот же Акрополит сообщает нам интересные сведения об участниках переворота. Очевидно, что драма в Сосандрийском монастыре была хорошо спланированным мероприятием. Исполнители знали цель, ее достигли, а беспорядки окончились сразу же после разграбления имущества Музалонов. Остается только выяснить, кто был или мог быть лидером заговора. Или, другими словами, кто был наиболее заинтересован в смерти «одобренного всеми» регента.

Во-первых, как мы уже выяснили, это – представители высшей аристократии. Поводом для заговора в случае с ними служили и личные обиды, зависть, сведение старых счетов, и борьба за власть. Кстати, Акрополит даже указывает имена конкретных лиц, «подговоривших воинов». Это и Алексей Стратигопул, и Константин Торник, и Федор Филес, упоминавшиеся ранее³⁰.

Во-вторых, иностранные, преимущественно итальянские, наемники. В своем труде Георгий Пахимер упомянул, что у иностранных наемников, которых активно вербовали при Ласкарисах, были веские основания для недовольства Феодором II и, следовательно, Музалоном. Дело в том, что *«эти иностранцы, еще при жизни царя, лишены были прежних своих пенсионов, что чрез это выражено им презрение... загражден был им доступ к царю, и что унижение сделано им по повелению протовестиария»*³¹. При этом Пахимер отмечает, что при всем недовольстве правительством, наемники не отважились бы совершить убийство регента. Слаженность их действий говорит, в свою очередь, о том, что воины действовали при активной поддержке и руководстве своих начальников. История сохранила имя лишь одного из них: имя великого коноставла – придворного сановника, отвечавшего перед царем за действия данного отряда и лично им руководившего во время боевых действий. Звали его Михаил Комнин Палеолог.

Даже если предположить, что великий коноставл не был в числе заговорщиков, то, по крайней мере, он не мог не знать о готовящейся операции. Более того, именно Михаил Палеолог более всего выиграл в результате Сосандрийского переворота³².

Вскоре после трагических событий экстренно созывается новое совещание знати и высшего духовенства, чтобы выбрать преемника убитого регента, дабы государство не оставалось без руководителя. После длительного обсуждения разных кандидатур собравшиеся остановились именно на Михаиле Палеологе, приобретшем к тому времени значительное влияние при дворе и популярность в народе³³.

Став регентом, затем великим дукой, а вскоре и деспотом, Палеолог отныне *«... поплыл к пристани царствования, так сказать, на всех парусах»*³⁴ пока, наконец, 1 января 1260 г. не был провозглашен василевсом ромеев. С этого времени и вплоть до 1453 г. византийский

²⁹ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах.

³⁰ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 179.

³¹ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 47.

³² Диль Ш. История Византийской империи.

³³ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI – XV вв.

³⁴ Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. С. 69.

трон занимали представители династии Палеологов. Династии, с которой связано постепенное ослабление Византии и окончательная победа феодальной партии – крупной земельной аристократии³⁵. Именно с воцарением Михаила Палеолога, все свое царствование ориентировавшегося на интересы феодалов, попытка Ласкарисов создать независимое локальное государство доместиального типа провалилась³⁶.

Однако не следует всю вину за неудачи во внутренней и внешней политике возлагать исключительно на недостатки Михаила Палеолога как государственного деятеля. Необходимо понимать, что не только благодаря своему знатному происхождению, но и способу прихода к власти он был вынужден зависеть от феодальной партии, которая в течение 5 месяцев борьбы и интриг превратила своего ставленника в императора. И одно из самых важных и решающих мест в этой борьбе занимает драма в Сосандрийской обители – государственный переворот 1259 года.

Резюме

Статья посвящена одному из ключевых эпизодов истории Византии – государственному перевороту 1259 года. Автор приходит к заключению, что «Сосандрийская драма» заслуживает отдельного рассмотрения, так как в результате нее сменилась не только правящая династия, но и стратегия государственной политики.

Ключевые слова: Византия, Никейская империя, государственный переворот 1259 года.

Summary

The article is devoted to one of key episodes of Byzantine history – statehood upheaval of 1259. The author comes to conclusion that drama in Sosandry monastery deserves special consideration because not only the ruling dynasty changed as a result of it, but also the whole strategy of state policy.

Key words: Byzantine Empire, The Empire of Nicaea, a coup d'état of 1259.

³⁵ Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

³⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв.